

Психоанализ как дело случая

Александр Смулянский. Метафора Отца и желание аналитика. Сексуация и ее преобразование в анализе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 304 с.

АЛЕКСАНДР Смулянский известен как исследователь, который держит речь в области, где

... всякий, высказывающий свое суждение, как нигде рискует обнаружить истинный масштаб своих умственных способностей¹.

Стоит отметить, что внятная артикуляция в поле психоаналитического дискурса требует способностей не только умственных. На протяжении десяти лет Смулянский последовательно высказывается на темы, затронутые Жаком Лаканом — мыслителем и психоаналитиком, известным радикальным наследованием делу, которое начал Фрейд. Готовность автора настаивать на своем желании высказаться в итоге вылилась в сильную и значительную по исследовательским масштабам книгу, и в силу исключительной редкости работ такого уровня в среде российского психоанализа имеет смысл принять это высказывание во внимание и дать ему соответствующую оценку.

В своем третьем большом тексте Смулянский приближается к вопросу, который у Лакана в силу обстоятельств отмечен многозначительным молчанием. В 1963 году ход его семинаров был прерван вмешательством профессиональной организации, членство в которой Лакан катастрофически и недобровольно утратил, и начатая было в несостоявшемся семинаре тема Имен-Отца не получила своего продолжения, оставшись в полотне теоретической разработки в виде выразительного пробела. Образовавшийся в результате пропуск организовал лакуну лакановского наследия — далеко не единственную, однако именно этот пробел

1. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. С. 9.

вызывает особого рода интерес, поскольку в качестве эффекта приостановленной речи позднее появляется разговор «с чистого листа» о фундаменте психоанализа, который известен как одиннадцатый семинар Лакана под названием «Четыре основополагающих понятия психоанализа». Этот разговор 1964 года касается пересмотра начал психоанализа, а также «самого его начала», в обсуждении которого Лакан использует термин «первородный грех» по отношению к желанию отца-основателя, то есть Фрейда.

У читателей Лакана при знакомстве с книгой Смулянского может возникнуть в памяти заключительный пассаж второй лекции семинара:

Что касается Фрейда и его отношений с отцом, то не стоит забывать, что, несмотря на все затраченные усилия, ему оставалось в конце концов, как он и сделал это в разговоре с одной из своих собеседниц, признать, что существует вопрос, который так и остался для него без ответа: чего хочет женщина?²

Находка автора «Метафоры Отца» позволяет полноценно осмыслить этот неожиданный прыжок, который совершает в приведенной цитате Лакан, перекрывая разрыв между отношениями Фрейда с вопросом отца и вопросом женского желания. По крайней мере, с этого можно начать, и «самым началом» теоретического хода, предпринятого Смулянским, является гипотеза о природе специфического, никогда исторически ранее не существовавшего желания Фрейда «делать анализ». Аналитические координаты исследования здесь заданы предположением об объекте интереса первого аналитика, который располагается в измерении речи первых его пациенток, а именно истеричек. Таким образом, ответ на вопрос о происхождении психоанализа предлагается искать в стихии бытия анализирующего субъекта, то есть в языке. Рассуждения об исторических обстоятельствах и особенностях личности Фрейда сразу же оказываются за скобками, а предложенный ход в поле психоаналитического дискурса открывает возможность для нескольких решительных продвижений с опорой на лакановский аппарат.

Помимо концептов упомянутых в заглавии книги — метафора отца, желание аналитика, сексуация, — в тексте многократно прорабатывается понятие интерпретации как аналитического акта, и вся композиция изложения организована в своей направ-

2. *Он же*. Семинары. Кн. 11: Четыре основные понятия психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 2017. С. 34.

ленности к последнему разделу, посвященному вопросу завершения анализа и критериев его продвижения. Кроме того, местами нетривиальным образом задействованы понятия отца мертвого и реального, нарциссизма, сублимации и *acting out*.

Среди основных направлений авторской мысли — уточнение ориентиров психоаналитической практики и освещение истории становления психоанализа через фазы преобразования желания Фрейда, что позволяет уточнить также и суть лакановской инициативы, в определенный момент подхватившей это желание. Используя предложенные в книге инструменты, автор проясняет теоретические основания выделения структур истерии и навязчивости, а также производит толкование концепта сексуации и ее отношения к процедуре формирования пола. Своеобразной кульминацией работы является оригинальная попытка пересмотра случая Доры, и читатели, для которых этот случай представляется образцом фрейдовской клинической работы, знакомые с его многочисленными рецепциями в психоаналитической и философской литературе, могут сверить свои впечатления и оценить свежесть представленной в книге версии событий.

В целом преподносимый в книге материал выверенно структурирован: ощущается, что автор позаботился о том, чтобы быть услышанным, хотя некоторые повороты изложения могут вызвать подобие интеллектуального шока. Безусловно, у постоянных слушателей многолетнего семинара Смулянского гораздо больше шансов не «вылететь из седла», когда авторская мысль «закусывает удила», тогда как уделом только приступающих к знакомству с материалом может оказаться купюра связанного понимания, тревога, а то и личностно окрашенный ресентимент — в способности вызывать эти чувства автор не намного отстал от персоналий, за которыми следует.

Поскольку речь идет о наиболее принципиальных понятиях Лакана, в планы которого никогда, как известно, не входило снижать уровень изложения, предлагаемая сложность теоретической разработки, вероятно, оправданна. Тем не менее большинству читателей стоит запастись интеллектуальным мужеством; утешиться им можно тем, что скажется это лишь на осмыслении некоторых поворотных пунктов, тогда как магистральные линии мысли вполне читаемы в первом же приближении. К тому же текст буквально искрится приятными любителям острого слова компенсациями в виде регулярных микродоз прибавочного читательского наслаждения, заключенных в таких выражениях автора, как, например, «гуманистическое негодование», «буридановы колебания

невротика навязчивости», «психологи с деловитостью могильщиков», «мнить себя аналитику и сватом и братом», «наслаждение, которое Фрейд берет в осаду», «далеко не вегетарианский облик этой коммуникации», «специалисты, вакцинированные лакановским скепсисом». В целом концептуальную сложность текста компенсирует бодрящий слог и темп развертывания повествования, хорошо известные постоянным слушателям лекций Смулянского.

В то же время читателей из профессиональной психоаналитической среды, возводящей свою практику к имени Лакана, следует дополнительно предостеречь перед прочтением, поскольку их ожидает изрядная доля риска укрепиться в параноидальной позиции по отношению к автору, высказывания которого нередко производят в их рядах раздражающее, провокативное воздействие, вызывая сильную тревогу. Некоторые специалисты соревнуются сегодня в степени посвященности в лакановскую повестку; большим достижением для российского психоаналитического поля стал бы отчет кого-либо из них о том, с какого рода невыносимостью в позиции Смулянского — и как автора, и как лектора — он сталкивается. В то же время сама книга, помимо прочего, содержит ответ на вопрос о том, почему дискуссия в затронутых мыслью Лакана сообществах не ведется на должном уровне.

Безусловно, некоторые заявления автора могут вызывать тревогу, но именно на этот режим воздействия он и делает ставку: как на уровне содержания — при описании сути аналитического акта, прерывающего на полном скаку речь пациента, чтобы поставить вопрос о заключенном в ней наслаждении, — так и на уровне изложения. Текст вполне может служить качественной опорой для самостоятельного исследования и обоснованной критики, то есть оказывает, при надлежащем с ним обращении, эффект психоаналитической практики. Другими словами, такое чтение способно содействовать производству психоаналитического дискурса, пока не получившего в российской интеллектуальной среде должного распространения.

Из множества поводов задуматься о теоретических и практических аспектах психоанализа, которым плотно укомплектована работа, стоит выделить одну мысль, согласно которой Фрейд, создавая психоанализ, следовал в работе с пациентами за своим особым желанием, не связанным напрямую с намерением оформить новую клиническую практику, но тем не менее в эту практику вылившимся. Если заострить эту мысль, психоаналитическая теория является одним из побочных продуктов желания Фрейда (даже, по выражению автора, «заглушкой», «громоотводом»), чем и объ-

ясняется не лучшая ее консистентность. На наш взгляд, это удачно объясняет, почему нет никакой аналитической теории «как таковой», в полном смысле понятия «теория», которое предполагает установленную систему согласованных элементов и, соответственно, наличие надежных инструментов для передачи-обучения. Собственно, в теории Лакана эта «внесистемность» и «разомкнутость» подчеркнута еще более радикально, чем у Фрейда, который периодически воспроизводил попытки удержать лицо классического теоретика, полагающегося на данные научного исследования.

С учетом этого положения дел полемика об использовании психоаналитических теоретических положений и споры о «правильности» новых интерпретаций обнаруживают себя на зыбкой до неощутимости почве. Чтобы говорить на языке психоанализа, необходимо владеть его азбукой. На постсоветском пространстве потребность избавить от безграмотности субъектов, претендующих на воспроизводство психоаналитического дискурса, на данный момент крайне актуальна. Сегодня, когда характерная дикость отечественного психоаналитического сообщества заполучила в свое распоряжение новые, манящие французским интеллектуальным блеском лакановские понятия и тексты и лента фейсбука так и пестрит модой нового аналитического сезона, количество «лакановских психотерапевтов» растет с каждым днем. Бесспорно, разбираться в теории психоанализа можно в некотором смысле лучше или хуже, как можно лучше или хуже говорить на иностранном языке. Но проблема аналогии с изучением иностранного языка состоит в том, что с психоаналитической точки зрения язык не является средством коммуникации — другими словами, аналитики должны лучше других отдавать себе отчет, что не обязаны друг друга понимать, и даже наоборот, их взаимное недопонимание естественно. С одной стороны, продвигаться в теории психоанализа необходимо, и, по словам последователя Лакана Жана-Мишеля Ватперо, со временем некоторая структура должна проявиться³, но, с другой стороны, в части полного понимания и особенно понимания «взаимного» это предприятие безнадежно. Возможно, именно поэтому любая психоаналитическая среда так отчетливо отмечена аффектами нетерпимости — как к представителям других клинических направлений, так и к некоторым своим членам. По словам Жака-Алена Миллера, если с любовью в этой среде возникают вопросы, то с ненавистью си-

3. *Vappereau J.-M.* (4 = 3) La théorie de l'identification selon Freud // *Bulletin de Dimensions freudiennes*. 1993. № 11–13.

туация гораздо более ясная: похоже, что в клинической практике аналитики «приобретают довольно-таки впечатляющую способность к ненависти»⁴, и это метка присутствия в этих отношениях того, что анализ называет «желанием».

Это означает, что характер постижения психоанализа должен соответствовать специфике предмета, состоящей в том, что теорию анализа в конечном счете задает практика, причем несводимая только к деятельности. Именно практика *следования желанию* делать анализ определяет отношения с теорией и выстраивает или перестраивает оную. Психоаналитическую теорию необходимо заново произвести из своей психоаналитической практики, которая является производной от желания делать анализ, существующий как незавершенный и внутренне противоречивый эффект желания Фрейда. Чтение текста Смулянского не оставляет сомнений, что его теоретический заход инспирирован его собственной практикой такого рода и что оригинальность его идей коренится в особенностях клинического подхода, а также опыта авторского публичного высказывания. Когда речь идет о представителях одной школы, можно предполагать, что они способны сопоставить относительно установленных теоретических положений свою практику — представители одной школы друг друга понимают, говорят «на одном языке». Но в этом случае возникает вопрос: можно ли назвать этот язык психоаналитическим?

Все эти вопросы не обладают однозначными ответами и поставлены исключительно для того, чтобы подчеркнуть парадоксальную невозможность, присущую психоанализу в целом и исторической ситуативности его возникновения в частности. Автор книги без обиняков называет появление психоанализа случайностью. Не стоит считать такое заявление легковесным, поскольку именно аристотелевское *tuche*, случай, Лакан полагает измерением «первопричины» как невозможной встречи с Реальным. Перечисляя «невозможные профессии», помимо управления и обучения, Фрейд говорит и о психоанализе. Перефразируя одну из мыслей представляемого текста, можно сказать, что психоанализ — это способ соблазнения невозможным, а также всегда дело случая. Погрузившись в аналитический опыт, сложно найти лучшее объяснение причины желания делать психоанализ и «первопричины» его появления.

4. Миллер Ж.-А. Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций. М.: Гнозис; Логос, 2017. С. 101.

Специфика аналитической практики проясняется на окольных путях следования своему желанию, если таковое случилось. И пожалуй, наиболее ценное приобретение, которое может вынести вдумчивый и желающий читатель книги Александра Смуглянского, — это ориентиры для такого продвижения. Определенно, текст оказался способен подчеркнуть принципиальные особенности психоаналитического дискурса и сопроводить нужным напутствием в дальнейшее странствие. Такую случайность можно только приветствовать и рекомендовать книгу как уже искушенному, так и едва искушившемуся аналитическим желанием мыслящему читателю.

Степан Мощенко